

Противоречия законодательства ЕС о защите данных

Сегодня различные законы о защите данных затрагивают жизнь каждого человека. Давид Эрдос пишет об изменениях, которые в скором времени произойдут в этой сфере в ЕС. В предлагаемых законах слишком много запретов. Исследователям настала пора занять твердую позицию по этому вопросу.

Даже после появления Web 2.0 законодательство в области защиты данных многим кажется совершенно техническим по своей сути и действующим лишь в очень узкой сфере. Даже если оставить в стороне технические детали, это совершенно не так. Рамки действующего в Европе законодательства о защите данных, на самом деле удивительно широки. Оно применяется к любым электронным действиям, связанным с использованием информации об идентифицированных или идентифицируемых лицах ([даже если они умерли](#)). Согласно законам ЕС даже безобидная информация находящаяся в публичном доступе защищена. Например, даже если это название чьей-то книги.. Кроме этого, если данный фрагмент информации содержит данные о расе или этническом происхождении, политических взглядах, религиозных убеждениях, членстве в профсоюзах, здоровье или судимостях, то она попадает в категорию конфиденциальной информации и подчиняется еще более жесткому контролю. [Несколькими европейскими судами](#) были вынесены решения о том, что все цветные изображения подпадают под эту категорию, поскольку они несут в себе информацию о расе. Принципы европейского законодательства ([Директива 95/46/ЕС](#)) не только слишком размыты, но и

обременительны. За некоторыми исключениями, такими как принцип либерализма (ст. 9), который может применяться к журналистике, литературе и искусству, они содержат презумпцию того, что частные лица должны уведомляться о том, как обрабатываются данные о них (стт. 10-11), и имеют право на несогласие (ст. 14) и остановку обработки личной информации (ст. 8.1), а также то, что никакие личные данные не могут передаваться за пределы Европейской экономической зоны “без надлежащей защиты” (ст. 25.1).

Таким образом, популярные представления о законодательстве в сфере защиты данных, к сожалению, совершенно не соответствуют действительности. Это приводит к тому, что угроза со стороны действующего законодательного режима основным правам и праву на законные виды деятельности серьезно недооценивается. Нигде это не сказывается более, чем в сфере социальных и гуманитарных исследований. После появления законодательства о защите данных в ЕС исследователи стали свидетелями введения значительных ограничений их свободы в использовании “конфиденциальных” данных и проведении скрытых исследований. Вкупе со все [более навязываемыми “этическими” предписаниями](#) такие барьеры и ограничения, применяемые даже по отношению к безобидным, но социально важным исследованиям, приобретают все более выраженный характер.

Возможно, можно было бы надеяться на то, что [“Правила ЕС по защите данных”](#) дадут возможность остановить этот процесс. Однако, рассмотрение [проекта дополнений и поправок](#) Европейского парламента, опубликованный в январе 2013 г., приводит к противоположным выводам. Подготовленные [Яном Альбрехтом](#), членом Европейского парламента, докладчиком комитета по гражданским свободам, правосудию и внутренним делам (этот комитет ответственен за разработку данных правил), эти [строгие](#) правила в сущности выводят за рамки закона все исследования в области законодательства и современной истории, а также огромное количество изысканий в области социологии и политологии. Согласно им обработка любых исторических, статистических и научных данных должна производиться согласно данным предписаниям:

- Полный запрет на публикацию даже самых безобидных персональных данных в идентифицированной форме за исключением случаев, когда человек сам открывает к ним публичный доступ или по своему собственному усмотрению дал на это согласие в точной, сознательной и отменяемой форме (поправка 339, с. 201). В результате введения этой поправки историк лишится права публиковать информацию, взятую из газетной статьи, в которой точно описывается деятельность политика (например, участие Тони Блэра в принятии решения об участии в войне в Ираке). Также под запрет попадет цитирование публикаций аналитической информации по уже опубликованным судебным решениям, поскольку они содержат множество идентифицирующих данных, открытый доступ к которым был дан не упоминаемыми в нем лицами, а судебными органами.
- Если информация подпадает под одну из категорий “конфиденциальных” данных (см. выше), к ней применяются еще более жесткие ограничения. При отсутствии “свободного, точного, взвешенного и отменяемого” разрешения на их публикацию, все связанные с ними исследования станут невозможными, если государства-члены ЕС не разрешат на исключительно факультативной основе национальным органам, ответственным за защиту информации,

выдавать такие разрешения. Подобные разрешения, однако, могут быть выданы только при условии, что информация “анонимизируется или, если это не возможно для проведения исследования, псевдонимизируется с использованием высочайших технических стандартов и принимаются все необходимые меры... для предотвращения реидентификации лиц, являвшихся источником информации”. Исследования также должны служить “высочайшим общественным интересам” и осуществляться только в случае “невозможности их проведения иным способом” (поправка 337, с. 200). Исключением не является даже информация, опубликованная самим человеком в прошлом. Так, например, историк не будет иметь права написать, что Эмма Николсон, которая в настоящее время является пэрот от Либерально-демократической партии, в прошлом являлась членом парламента от Консервативной партии, несмотря на то, что эти данные свободно [доступны в “Википедии”](#). По сообщению [комиссии по информации](#), принадлежность к политическим партиям членов парламента относится к “конфиденциальным” личным данным (с. 8).

- Также в правилах указывается, что “данные, позволяющие атрибутировать информацию идентифицированному или идентифицируемому источнику” должны “храниться отдельно от остальной информации” (поправка 335, с. 199). В результате принятия этой поправки исследователь не сможет хранить решение суда или газетную статью на компьютере, не заменив до этого все идентифицирующие признаки (такие как “Дэвид Камерон” или “Лорд Хаттон”) псевдонимизирующим кодом (см. выше), ключ к которому затем должен храниться отдельно.
- Наконец, положение, позволявшее Европейской комиссии предлагать подзаконные акты о проведении закрытых исследований, было просто упразднено (поправка 341, с. 202). Однако, при соблюдении соответствующих мер предосторожности, такие исследования зачастую позволяли пролить свет на такие важные стороны жизни, как противозаконные действия полиции и поведение, основанное на дискриминации по признаку пола, этнического происхождения и расы. Вполне очевидно, что люди никогда не дадут согласие на исследование собственных противозаконных действий.

Альбрехт вполне открыто высказывается о предлагаемых ограничениях на свободу исследований. Так, мы узнаем в частности о том, что “исследовательские задачи не должны ставиться выше заинтересованности источника информации в том, чтобы его или ее личные данные не публиковались” (с. 201). Если заменить в данном случае слово “исследовательские” на “журналистские”, станет совершенно очевидно всем, включая прессу, насколько обременительна такая цензура. Кажется ироничным, что вместе с этими жесткими ограничениями в области исследований Альбрехт предлагает расширить усиленную защиту, предусмотренную статьей 80, применяемую к журналистике, литературе и искусствам, гарантируя свободу слова саму по себе (поправка 324, с. 193). Таким образом обеспечивается “защита свободы слова в целом, а не только в отношении журналистов, художников и писателей” (с. 52).

Свобода слова определяется ссылкой на [Конвенцию ЕС](#), которая включает свободу “получать и распространять информацию без какого-либо вмешательства” (ст. 11), право, защищаемое также статьей 10 Европейской конвенции о защите прав человека. Создавая и распространяя новые знания, исследователи в области социальных и гуманитарных наук непосредственно осуществляют это право.

Кроме этого, особое внимание к исследованию по-настоящему значимых проблем, соблюдение принципов строгости и высокой точности обеспечивает и то, что изыскания в области социальных и гуманитарных наук обычно воплощаются в высказывания, имеющие “высокую социальную ценность”, которые, по справедливому заключению Европейской комиссии по правам человека, должны быть освобождены от любых законодательных ограничений. По правильному замечанию Брайана Харрисона, “между журналистом и историком нет принципиальных различий: историки лишь располагают значительно большим временем на исследование и рефлексии”. Однако, единственной категорией лиц, свобода выражения которых не защищается в переработанной версии статьи 80 являются именно исследователи (и не только историки). Это происходит потому, что в то время, как статья 80 не предполагает никаких (сбалансированных) послаблений Правил, нормы статьи 83, касающиеся исторических, статистических и научных исследований на это не распространяются. [Свобода слова переворачивается “с ног на голову”!](#)

Проект Правил по защите данных должен быть в обязательном порядке доработан. Необходимо обеспечить, чтобы исследования в социальной и гуманитарной сферах были однозначно включены в число высказываний, защищаемых статьей 80. Этот случай также должен заставить задуматься о чрезмерном регулировании в области исследований по сравнению с другими, зачастую менее важными, областями деятельности. Данные предложения до сих пор находятся на рассмотрении Европейского парламента и Совета министров. Призвать их к необходимым изменениям еще не поздно. Все, кому важно будущее академических изысканий должны трезво взглянуть на предлагаемые правила. Университеты и другие исследовательские институты должны проявить волю и решительность в предотвращении принятия этих несправедливых и неосуществимых правил. Никто не сомневается, что в некоторых случаях по-настоящему конфиденциальная информация требует защиты. Однако, когда эта необходимость раздувается и перерастает в совершенно дикую, несоразмерную чрезмерную озабоченность, оказывается, что мы способны узнавать об обществе, в котором мы живем все меньше и меньше. Что парадоксально, мы узнаем меньше и об этике работы с личными данными, и о том, какие последствия может иметь принятие правил о защите данных.

[Давид Эрдос](#) — главный научный сотрудник проекта “[Защита данных и открытое общество](#)”, научный сотрудник Центра социо-юридических исследований Колледжа Бэллиол Оксфордского университета. Текст этой статьи первоначально был опубликован в *Times Higher Education* (“Mustn’t ask, mustn’t tell” от 14 февраля 2013 г.).

Опубликовано на: Март 25, 2013